

Хранители волшебства

Автор:

Диана Джонс

Хранители волшебства

Диана Уинн Джонс

Айлин происходит из древнего рода волшебников, но сама еще никак не проявила себя в магии. И потому девушку так страшит предстоящее путешествие по островам, в котором она должна сопровождать свою тетушку Бек – самую могущественную чародейку на Скарре. Айлин кажется себе такой беспомощной и бесполезной! А ведь они отправляются в путь не ради удовольствия, а с королевским поручением, и провал их миссии может обернуться большой бедой для всего зачарованного архипелага!

Последняя сказка великой британской сказочницы была уже почти завершена, когда писательницы не стало. Урсула Джонс с бережной любовью закончила книгу сестры, сохранив присущее всем ее произведениям стремительное и завораживающее течение. Благодаря отточенному литературному мастерству, неизменному чувству юмора и яркой образности книги Дианы Уинн Джонс так и просятся на экран. По ее бестселлеру «Ходячий замок» знаменитый мультипликатор Хаяо Миядзаки, обладатель «Золотого льва» – высшей награды Венецианского кинофестиваля, снял одноименный анимационный фильм, завоевавший популярность во многих странах.

Диана Уинн Джонс

Хранители волшебства

Diana Wynne Jones, completed by Ursula Jones

THE ISLANDS OF CHALDEA

Copyright © 2014 by the Estate of Diana Wynne Jones and Ursula Jones

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Laura Cecil and The Van Lear Agency LLC.

© А. М. Бродоцкая, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Дейву.

Диана Уинн Джонс

Диане, ее родным, друзьям и читателям.

Урсула Джонс

Глава первая

Моя тетушка Бек чуть что – первым делом варит овсянку. А посвящение у меня до того не заладилось, что наутро тетя Бек дала мне овсянку с медом и сливками. В нашем каменном домишке это была неслыханная роскошь, а я даже и не распробовала ее от огорчения. Я сидела и тряслась, зубы у меня стучали не столько от холода, сколько от уныния, и заталкивала в себя ложку за ложкой, и в конце концов тетя Бек закутала меня в большой пушистый плед и отчеканила, что это не конец света.

– Пока что, – уточнила она. – И подбери косичку, а то в мед угодит.

От этого я немножко выпрямилась. Вчера я вымыла голову холодной ключевой водой с разными травами – и вся целиком в ней вымылась, – и повторять все это еще раз мне не улыбалось. А перед этим жутким мытьем мне еще пришлось поститься целый день, и в результате, когда настало время спускаться Туда, мне было холодно и мокро и я чувствовала себя прямо как мимоза. И за ночь я ничуть не обсохла и не согрелась.

Дело в том, что Туда – это значит в такую глубокую канаву с каменными плитами по краям и другими каменными плитами поверх, прикрытыми дерном. Чтобы попасть Туда, надо съехать по травянистому склону, а тетя Бек задвигает за тобой вход еще одной каменной плитой, и тебе уже не выбраться. Потом сидишь в одной льняной нижней юбке и ждешь, что будет, а если ничего не будет, то – когда рассветет. Ничем не пахнет, только камнем, сыростью и еще издалека торфом, и чувствовать тоже нечего, кроме холода, особенно снизу, когда сидишь и ничего не видно, одна темнота.

Предполагается, что тебя посетят видения или хотя бы придет твой зверь-хранитель. Всех женщин в моем роду спускали Туда в двенадцать лет в нужную фазу луны, и почти все проводили там время просто интереснее некуда. Мама видела, как мимо нее проходит вереница принцев, все бледные, серебристые, с золотыми обручами на лбу. Помню, как она рассказывала мне об этом перед

смертью. Тете Бек, по ее словам, явился целый зверинец, все юркие и проворные: змеи и ящерицы, борзые и олени – ну куда же без оленей, подумала я. А еще, говорит она, все чары и заклинания, которые она изучала, вдруг встали в голове на свое место и обрели восхитительный смысл и порядок. С тех пор она и стала могучей волшебницей.

Со мной ничего такого не произошло. И вообще ничего не произошло.

Нет, вру. Я сама все испортила. И побоялась признаться тете Бек. Я все сидела и сидела, обхватив колени, чтобы согреться и не замечать, как в острые косточки, которые у меня там, на чем сидят, пробирается холод и оцепенение, но в основном – чтобы не бояться до одури, что будет. А главная жуть была в том, что я сидела под землей и не могла выбраться. Мне было страшно шевелиться, поскольку я была уверена, что сразу окажется, что канава сузилась, а каменная крыша опустилась. Поэтому я сидела и дрожала. И то и дело накрепко зажмуривалась, но все-таки иногда заставляла себя открыть глаза. А то вдруг явятся видения, а у меня глаза закрыты?

А знаете, какие фокусы вытворяют глаза в темноте? Прошло много-много времени, вечность, а то и больше, и я решила, что Туда откуда-то падает свет. И подумала: ой, ну наконец-то утро! Наверное, тетя Бек проспала и забыла выпустить меня на рассвете! Мне-то казалось, будто я просидела там сто лет и уже пора обедать. Я поерзала в тусклом свете, поцарапала локоть, стукнула обе колени и повернулась лицом туда, откуда съехала. И в самом деле, честное слово, по краям каменной плиты, которую водрузила сверху тетя Бек, сочился тусклый свет.

От этого меня охватила самая настоящая паника. Я на четвереньках взобралась по горке и попыталась сдвинуть плиту. Она не поддавалась ни на волосок, и тогда я завизжала – откройте, выпустите меня! Сейчас же! И толкнула плиту как сумасшедшая.

К моему удивлению, плита довольно легко съехала в сторону, и я выскочила Оттуда, что твой заяц. И выпрямилась, стоя на коленях: мне стало еще страшнее. Вовсю сияла полная луна. Она стояла высоко в небе, маленькая, прямо золотая, и заливала льдистой белизной каждый кустик вереска, каждый камень, и наш домик в отдалении на склоне холма превратился в серебряную шкатулку. Я видела, как в одну сторону на много миль тянутся горы, а в другую – темная, блестящая полоска моря. От луны было так тихо, что я даже слышала

прибой – тихий-тихий потаенный гул, как бывает, когда приложишь к уху ракушку. И было так холодно, будто вереск серебрился и в самом деле от инея.

Я снова посмотрела в небо, на луну, и меня еще сильнее затрясло от холода и от стыда. Луна стояла высоко-высоко, и мне стало ясно, что еще середина ночи. Я, наверное, пробыла Там часа три, не больше. И никак не могла видеть Оттуда луну. Не та часть неба.

Тут до меня дошло, что тусклый свет, который я видела, на самом деле и был началом видений. Я совершила ужасную ошибку и прогнала их. От этой мысли я так испугалась, что юркнула обратно, схватила каменную плиту, дернула изо всех сил и как попало прикрыла вход, а потом съехала на каменный пол и в отчаянии съежилась там.

– Вернитесь, пожалуйста! – умоляла я видения. – Я буду паинькой. Даже не пошелохнись!

Но больше ничего так и не произошло. Теперь, как мне показалось, Там стало еще темнее, чем прежде, зато не так холодно: я ведь спряталась от ветра. Однако за несколько часов, которые я просидела там, съежившись и вытаращив глаза, я так ничего больше и не увидела.

На рассвете, когда я услышала, что тетя Бек оттаскивает плиту, меня охватил кромешный ужас: ведь она, конечно, заметит, что плиту отодвигали. Но были еще сумерки, и, наверное, тетя Бек никак такого не ожидала. Так или иначе, она ничем не показала, что ее что-то насторожило. Кстати, она утверждает, что я крепко спала. Ей пришлось съехать вниз, ко мне, и потрясти меня за плечо. Но я слышала, как она это делала. Слышала и думала, что я врунья, каких мало. И к тому же бездарная.

– Ну, Айлин, – сказала тетя Бек, помогая мне подняться по склону – я совсем зачоченела, – что с тобой было?

– Ничего! – И я разревелась.

Когда при тете Бек плачут, она всегда ощетинивается. Терпеть не может проявлять душевную чуткость. Она набросила мне на плечи душегрейку и повела меня вниз по склону, приговаривая:

– Айлин, уймись. Тут нечего стыдиться. Может, тебе еще рано. Бывает. Моя бабушка, то есть твоя прабабушка Венна, три раза спускалась Туда и только потом что-то увидела, да и то всего-навсего ежика мельком.

– А вдруг у меня нет способностей? – выговорила я сквозь слезы. – Вдруг волшебство во мне разбавленное, потому что отец был чужестранец?

– Чепуха! – отрезала тетя Бек. – Твой отец был галлиссский бард, и твоя мать выбрала его с превеликой тщательностью. «Бек, – сказала она мне, – у этого человека настоящий дар, и я непременно рожу от него дитя, у которого дар будет еще сильнее». Впрочем, когда он сгинул с принцем Аласдером, это не помешало ей потерять голову от верховного жреца Килканнона.

И это стоило ей жизни, уныло подумала я. Мама умерла, когда пыталась подарить миру моего брата. Ребенок тоже умер, и тетя Бек, мамина младшая сестра, вынуждена была взять меня на воспитание с пяти лет.

– Не волнуйся, – продолжала тетя Бек, – я с самого начала вижу в тебе зачатки великой волшебницы. Все придет, дай только срок. В следующее полнолуние попробуем еще раз.

С этими словами она втокнула меня в дом, где за стенкой мычала корова и кудахтали куры, и усадила перед овсянкой. Значит, все-таки придется проделать это еще раз, – по-моему, именно эта мысль и нагоняла на меня уныние, пока я сидела и пускала сливочные реки в медовые озера.

– Ешь, кому говорю! – рявкнула тетя Бек.

Я послушалась, и мне стало немного легче, по крайней мере настолько, что я доползла до своей узкой кровати и заснула. Спала я, пока день не склонился к вечеру и солнце не двинулось обратно к горизонту. Я бы и дальше спала, но тут в дверь тети Бек постучали.

– Откройте! – важно провозгласил пришедший. – Именем короля!

Это оказался тот мальчишка из Логры, страшно гордый, что голос у него теперь стал густой и мужественный. Еще неделю назад он то пищал, то рычал, и все

смеялись над ним даже пуще прежнего. Тетя Бек открыла, и он торжественно вошел, очень величественный в новенькой военной форме, с перекинутым через плечо тяжелым пледом из тартана королевских цветов, аккуратно собранным в складки.

Те, из замка, недолюбливают его и дразнят «Огр из Логры», но я бы сказала своему дядюшке-королю, что с мальчиком ему повезло: и одет всегда красиво, и образование у него не хуже моего, а я как-никак три раза в неделю хожу на уроки в замок, да и владеть оружием его наверняка тоже учат. По крайней мере, на тощем бедре, на ремне, затянутом поверх новой кожаной куртки с воротником из тщательно расчесанной овчины, висел меч искусной работы. Подозреваю, мальчишка гордился мечом даже больше, чем новым густым голосом.

Он вошел во всем своем великолепии, чеканя шаг, и вдруг застыл на месте, оторопел и вытаращился. Ему еще не приходилось бывать у нас дома. Сначала его неприятно удивило, какая у нас маленькая комнатка – я как раз приподнялась на локте в кровати, стоявшей сразу за очагом, – а потом поразили картины тети Бек. Тетя Бек отличная художница. Она говорит, у нас, народа Скарра, это главный дар. Все стены нашей комнаты завешаны картинами – мои портреты, портреты моей бедной покойной мамы, а также всех рыбаков и пастухов, которые опрометчиво согласились позировать. Моя любимая картина – очаровательная компания детишек из замка, они хихикают и толкаются на ступенях у главного входа, а свет падает на них наискосок, и ступени все в золотых зигзагах. А еще пейзажи, горы, болота и море и несколько картин с кораблями. Тетя Бек расписала даже ширму, за которой стоит ее кровать: теперь там будто полки, уставленные горшками и бутылочками и украшенные гирляндой из луковиц.

Этот мальчишка – у него еще странное логрийское имя, Огго, отсюда и прозвище – вытаращился на картины, подавшись вперед своей тяжелой прилизанной башкой и сморщив от изумления белое веснушчатое лицо. Только как следует вглядевшись в ширму, он понял, что полки тоже нарисованные. Тогда его уродливое лицо все порозовело, ведь он сначала принял ширму за настоящую стену.

– Что стряслось, Огго? – спросила тетя Бек.

Она относилась к нему немного свысока, как и все.

– В-вот это, – выдавил он. – Такое красивое, совсем как настоящее. А там... – он показал на детишек на ступенях, – там я.

И правда, только я раньше этого не замечала. Он был самый маленький, и его сталкивал с нижней ступеньки мальчик покрупнее – скорее всего, мой братец Ивар. Тетя Бек очень хитрая. Она набросала их наскоро углем, а они и не знали, что потом попали на картину.

Морщинки на худом лице тети Бек сложились в благодарную самодовольную улыбку. Она падка на лесть, но любит, чтобы ее считали холодной и беспристрастной.

– Не забудь рассказать, что тебе велели передать, – сказала она. – Ну?

– А, да. – Огго вытянулся по стойке смирно, едва не задев головой балки. В последнее время он очень вырос, перерос даже тетю Бек. – Я должен пригласить вас в замок на ужин, – сказал он. – Король желает с вами посоветоваться.

– В таком случае будь добр, возьми кружку моего пива и посиди снаружи, пока Айлин одевается, – ответила тетя Бек.

Огго переполошился и стрельнул глазами куда-то в сторону полок у меня над головой. Он страшно смущался, что видит меня в постели почти что без ничего, и до этого тщательно избегал смотреть в мою сторону.

– Если ей нездоровится, она может не ходить! – выпалил он.

– Очень предупредительно с твоей стороны, – ответила тетя Бек, – но она не больна, а просто немного устала, и мы будем готовы совсем скоро. А теперь выйди за дверь.

Она сунула ему в большие розовые руки кружку, развернула и вытолкала за дверь, где у нас стоит скамейка – на пригреве и с видом на море.

– Живо, – сказала она мне, захлопнув дверь за Огго. – Синее платье, новый плед и не забудь сначала умыться. Когда будешь готова, я тебя заплету.

И исчезла за разрисованной ширмой, а я со стоном поднялась. Все затекло, меня до сих пор знобило. Тетя Бек просто помешана на мытье. Я и так вчера домылась до полусмерти, а теперь по тетушкиной милости мне опять будет мокро. Но ослушаться я не посмела. Знала по горькому опыту, что она всегда догадывается, когда я просто споласкиваю тазик и мочу фланельку для лица. И ведь ни словечком не упрекнет, зато примерно накажет потом, когда будет меня причесывать.

Я мрачно оделась, ломая голову, что на сей раз понадобилось королю Кенигу. С тетей Бек он и так советуется раз в неделю, но обо мне вспоминает редко. Более того, по этому поводу идет тихая война, поскольку тетя Бек почти всегда берет меня с собой ради обучения. Тут мой дядюшка, король Кениг, злобно щерится, запускает в бороду пятерню и рычит – мол, пехота ему без надобности, – а тетя Бек на это отвечает очередной улыбкой тверже алмаза, сладкой-пресладкой, и обычно мне приходится сидеть при них и слушать, как король спрашивает тетю Бек о знаменьях по поводу набега на соседей или о том, как быть в этом году с посевами.

Интересно бывает, только когда тетя Бек требует серебряную чашу с водой и гадает королю. Я люблю смотреть, как она гадает: не то чтобы я вижу что-то в чаше, но за тетей наблюдать очень увлекательно. И такие приятные мурашки бегут по спине, когда она замогильным голосом вещает: «Вижу пламя на Пике Бурь, вижу, как разбегается в испуге скот...» А еще она никогда не ошибается. Когда она это сказала, из соседнего королевства на нас напали кланы Кормака, но благодаря тете Бек наш народ был к этому готов. Мне даже повезло одним глазком посмотреть на битву.

В общем, как нетрудно догадаться, тетя Бек – не только волшебница, но еще и мудрица, как и все женщины в нашем роду. Если у нас рождаются сыновья, они приводят себе невест издалека. Так и вышло, что король Кениг мне дальний родственник, поэтому меня и приучили называть его дядюшкой, а его сыновей братцами. Брат моей прапрабабки женился на сестре тогдашнего короля, и их сын был дед короля Кенига. Когда-то у нас была большая семья, мы славились как лучшие мудрицы на всем огромном острове Скарр, но это было во времена Двенадцати сестер Кеннеала. А теперь остались только мы с тетей Бек. Но тетя Бек по-прежнему считается лучшей из лучших.

Да и выглядела она соответственно, когда вышла из-за ширмы в парадном платье и принялась расчесывать мне волосы. Волосы у меня еще не до конца

высохли, и их все время приходилось дергать, чтобы вытащить запутавшиеся со вчерашнего дня травы.

Глава вторая

От нас до замка мили две, через пустошь к морю и потом на мыс, но тогда показалось, что идти еще дальше, потому что спустился туман и все скрыл. Я устала. Плелась через вереск за тетей Бек и Огго и чувствовала себя маленькой, взъерошенной и никчемной. А при мысли о том, что через месяц придется опять провести Там целую ночь, на глаза у меня навертывались слезы.

Я точно знала, что, даже если пройду посвящение, все равно мне никогда в жизни не стать такой, как тетя Бек. Конечно, я заучила все обряды и заклятия, назубок знала травы и приметы про погоду, но для настоящей волшебницы этого мало. Это было сразу понятно, стоило только поглядеть на высокую худую фигуру тети Бек, грациозно шагавшей впереди, на ее темноволосую головку с красиво уложенными косами под изящно наброшенным краем пледа. У парадных башмачков тети Бек были красные пробковые каблуки, – кстати, башмачки стоили целое состояние, потому что их привезли из Логры еще до появления колдовской преграды, – и к этим ослепительно-алым кубикам не прилипло ни комочка грязи, ни веточки вереска.

А я была уже по щиколотку в грязи. Волосы у меня неопрятного тускло-каштанового цвета, а из косичек вечно выбиваются пряди, и ничем их не уймешь. Теперь эти пряди падали на лицо и уже растрепались. К тому же я маленькая для своих лет. Даже младшие дети из замка уже переросли меня, и я представить себе не могла, что когда-нибудь стану высокой или мудрой. Так и останусь навсегда крошкой Айлин в веснушках, с торчащими зубами и без волшебного дара, печально думала я. Да чтоб мне провалиться – даже Огго и тот выглядит внушительнее!

У Огго были новые башмаки на шнуровке до колен и роскошные новые тартановые штаны. На башмаки, должно быть, ушла уйма кожи, потому что ножищи у Огго преогромные – особенно по сравнению с тощими

зашнурованными лодыжками. Я видела, как осторожно он ступает, чтобы не измазать башмаки торфом. Наверное, пообещал сапожнику, что будет надевать их только на выход.

Бедняга Огго. Все в замке издеваются и смеются над ним. Он чужестранец и не такой, как все. Насколько я знаю, его оставили у нас десять лет назад, когда логрийские колдуны наложили чары, из-за которых никто со Скарра – да и с Берники и Галлиса, если уж на то пошло – не может переплыть через море в Логру. Логра теперь все равно что на Луне: туда не попадешь, как ни старайся.

Тогда у нас с Логрой была война. Как всегда. Но все равно логрийских семей на Скарре было довольно много: и торговцы, и посланники, и жрецы, и вообще, и той ночью, когда наслали чары, все они побежали на корабли. Кое-кого при этом бросили, как Огго, например, чокнутую старую ткачиху, которая теперь жила в Килканноне, и того человека, который говорил, что он ученый, а Кормаки решили, будто он лазутчик, и посадили его в темницу. Но детей, кроме Огго, не осталось. Ему тогда, наверное, было лет пять. Думаю, его родня были торговцы или еще кто-то, и они сбежали вместе со всеми, а его попросту забыли. Поэтому я считаю, что они настоящие мерзавцы. Огго говорит, среди них были и волшебники – не исключено. Но если и так, все равно они и вполнину не такие искусные, как тетя Бек. Она никогда ничего не забывает. Огго повезло, что король Кениг взял его к себе.

Между тем тетя Бек все шла и шла, как всегда грациозно покачиваясь, следом за Огго, который топал впереди на своих ногах-ходулях, и вот мы спустились к реке и перешли каменный брод – тетя Бек и Огго шагают впереди, я ковыляю сзади.

На другом берегу из тумана выступили темные фигуры.

– Вот они! – сказал мой братец Ивар. До этого мы и не видели его в тумане. – Огго в кои-то веки ничего не напутал. Ну, ребята, играйте!

– Это еще что такое?! – строго спросила тетя Бек, выпрямившись на последнем камне, будто аршин проглотила, а вода так и бурлила вокруг ее алых каблуков.

Но ее голос тут же заглушили с берега внезапный визг и мелодичный рев: это волынки, четыре разом, а то и больше, грянули «Марш Халдии».

Я удивилась не меньше тети Бек. Чтобы гостей торжественно встречали с волынщиками – это что-то неслыханное со времен Двенадцати сестер. Но теперь я различила на берегу целых шесть волынщиков, в замке столько и не набралось бы.

– Это еще что такое, я вас спрашиваю?! – закричала тетя Бек.

– Ничего особенного, дорогая сестрица, не тревожьтесь, – отвечал Ивар. Он подошел к самому берегу и протянул тете Бек руку. – Король так распорядился, а почему – неизвестно. Он велел встретить дам со всеми почестями.

– Гмпф! – сказала тетя Бек. Однако же оперлась на протянутую руку и ступила на берег. Ивар у нее в любимчиках.

Мне тоже полегчало, когда я увидела Ивара. Он стройный, темноволосый, с длинной шеей и крупным кадыком. Я считаю, что он очень хорош собой: у него такой резкий орлиный профиль, темные глаза и красивые скулы. И шутит он смешно. Хотя Ивар еще этого не знает, но я решила, что он в должный срок будет моим мужем, а до той поры я имею полное право тайно им восхищаться. Но как бы оно там ни было, карабкаясь на высокий берег, я никак не могла взять в толк, с чего вдруг королю Кенигу взбрело в голову встречать нас с волынщиками. Я знаю, что теперь, когда Логра больше не дышит нам в спину, король очень старается возрождать обычаи старины, но встречать мудрицу маршем – это же глупость какая-то!

На самом деле я была рада волынщикам. После бессонной ночи почему-то слабеют ноги. А подъем в замок очень крутой, и, если бы не настырный оглушительный ритм впереди, мне пришлось бы тяжело. Туман так сгустился, что сбиться с дороги было проще простого, хотя я и знала ее как свои пять пальцев.

На самом деле я толком и не видела волынщиков, только шла на звук, пока мы не очутились под сырыми черными стенами замка, а там они бесшумно свернули в сторону и исчезли, все, кроме одного, старого Йена, который торжественно провел нас по ступеням в главный зал.

Там стояли накрытые столы, все уже расселись, а слуги выстроились вдоль стен. Все было залито желтым светом – свечей было столько, что и не сосчитать.

Такого я совсем не ожидала. Король Кениг славился рачительностью в хозяйстве не меньше тети Бек, а о ее бережливости у нас в округе легенды ходили.

Старый Йен торжественно подвел нас к главному столу, продолжая дудеть, а когда мы очутились на месте, прекратил играть прямо на середине мелодии.

Ивар ткнул локтем Огго под ребра, и Огго поклонился сидящему там королю.

– В-вот, я привел дам, сир, – сказал он.

– Небось, шел в обход Килканнонской вершины? Времени не пожалел, – отозвался король. – Ступай на свое место.

Огго отвернулся, он весь побелел, глаза и рот превратились в прямые черточки. Я часто видела его таким, обычно когда его дразнили дети. Несколько раз я замечала, как он с таким же каменным лицом в прямых черточках стоит где-нибудь в укромном уголке замка и по щекам у него текут слезы. Огго ушел куда-то к дальнему столу, а я подумала, что король мог бы быть и добрее.

Тетя Бек тоже так подумала.

– Там туман, – сказала она.

– Ладно, не важно. Главное, вы здесь. Идите, идите сюда, – раздраженно ответил король. – Садитесь рядом со мной. И ты тоже.

Я оцепенела. Мне много раз приходилось обедать и ужинать в замке, но за королевский стол меня еще ни разу не звали. Ивару пришлось подтолкнуть меня на помост и усадить в кресло. Я сидела и озиралась. Отсюда зал был какой-то маленький, будто пещерка, а вышитые покрывала по стенам просто страшные. Король Кениг приказал повесить настенные росписи вышитыми покрывалами, потому что, по его словам, так повелось в старину. Беда в том, что его придворные дамы не умели вышивать и учились на ходу. При ярком свете все их огрехи были как на ладони.

Впрочем, очень может быть, что королева Мевенна подстроила это из вредности. Она сидела не рядом с королем, а через одно кресло, оставшееся пустым, и была

мрачнее тучи. Она довольно красивая, и волосы у нее рыжевато-каштановые, гораздо рыжее, чем у тети Бек, но вид до того мрачный, что складывается отчетливое впечатление, будто на самом деле волосы у нее иссиня-черные, а кожа с трупной просинью. Когда я сказала об этом тете Бек, она бросила «Чепуха!», но я заметила, что она старается не разговаривать с королевой. Когда я подумываю о том, чтобы выйти замуж за Ивара, меня отчасти останавливает, что у меня будет такая свекровь, как Мевенна.

Дальше, через еще одно пустое кресло, сидел старший брат Ивара Донал, наследник престола, и от свечей его борода и множество золотых браслетов блестели ржавым, а зубы – белым, когда он улыбнулся каким-то словам матери. Донала я тоже недолюбиваю. На вид сущий разбойник, а сам обходительный и умный.

Место рядом с Доналом опять-таки пустовало, а дальше сидел наш старенький учитель – мы называем его «магистр». Насупленные брови у него нависли над глазами, словно утесы.

Мне бы насторожиться при виде всех этих пустых кресел, но я не успела собраться с мыслями, как снова заиграли волынки – ужасно громко и неожиданно – и король Кениг, к моему удивлению, встал. Все остальные, естественно, тоже встали. И мы уставились на дверь по другую сторону стола, откуда появилась целая процессия с волынщиками во главе.

Сначала я не заметила ничего, кроме роскошных мантий. Затем разглядела, что под первой скрывается не кто-нибудь, а верховный жрец Килканнона, очень высокий, худой и кислый. Брови у него могли потягаться с бровями магистра. При виде него сердце у меня, как всегда, упало. Мне каждый раз приходит в голову ужасная мысль, что этот человек мог бы стать моим отчимом, если бы мама не умерла. Он из тех, при ком все вянет и сохнет от добродетели. Но я никогда не видела, чтобы король вставал, когда он входит. На миг я подумала, что король Кениг, возможно, обратился в веру, потому что так тоже было принято в старину. Потом увидела среди прочих мантий красную и усталого старика в ней, с добрым, но властным лицом. Он один был в короне.

– Верховный король Фарлейн, – прошептала рядом тетя Бек. – Огго мог бы нас и предупредить.

Но не предупредил, подумала я. Думал, мы сами догадаемся. В Логре только один король, и никому так и не удалось втолковать Огго, что меньшие короли вроде Кенига – тоже короли. Поэтому когда Огго говорил «король», то, понятно, имел в виду верховного короля, властителя всей Халдии, а мы его не поняли, даже я, хотя мы с Огго сто раз об этом спорили.

Когда утих вой волынок и скрип кресел и скамей, король Фарлейн остановился за особым креслом с высокой резной спинкой, которое оставалось незанятым, потому что предназначалось ему.

– Нам необходимо свершить правосудие, – сказал он. – И свершить его следует безотлагательно, а уже затем переходить ко всему прочему. Именем всех верховных богов и низших духов открываем эти слушания. Прошу Киннока, верховного жреца Килканнона, огласить суть дела.

– Разумеется, – мрачно процедил верховный жрец. – Я обвиняю Донала, принца Конройского и Килканнонского, в грабеже, поджоге и убийстве.

– Отклоняю, – спокойно ответил Донал и повертел рукой, любуясь своими браслетами, как будто все это навевало на него скуку.

– Отклоняешь? – зарычал жрец. Его черные глаза под огромными черными кустистыми бровями свирепо сверкнули. – Да как ты смеешь стоять здесь и отрицать, что всего две ночи назад ты со своей шайкой разбойников нагрнул в Килканнон и поджег мой дом?!

На это очень многие так и ахнули, в том числе Ивар. Он повернулся к Доналу, прямо лучась от восторга и удивления. К сожалению, Ивар склонен восхищаться старшим братом. По-детски. Но восторг тут же сменился мрачной обидой. Я услышала, как Ивар прошептал: «А почему меня с собой не взял?»

– Отвечай! – прогремел жрец. – Не то я призову на тебя проклятие богов!

Донал все вертел браслеты на руке.

– О нет, этого я не отрицаю, – как ни в чем не бывало ответил он. – Только прошу избавить меня от обвинений в грабеже и убийстве. Кто именно погиб?

– Ты отрицаешь, что увел у меня всех овец? Где мои козы и волы, ты, негодяй? – бушевал жрец. Его так трясло, что по роскошной мантии шла рябь.

– А, скот? – Донал пожал плечами, отчего жрец еще сильнее разъярился. – Мы их просто разогнали. Хочешь, пойдешь поищи в холмах, они наверняка до сих пор там бродят.

– Ах ты... ты... ты!.. – еле выговорил жрец.

– Повторяю, – сказал Донал. – Кто погиб?

– Законный вопрос, – заметил король Фарлейн. – Кто-нибудь был убит?

У жреца был такой вид, будто он раскусил перчинку.

– Честно говоря, нет, – признался он. – Меня не было дома, мы с послушниками готовились к обряду встречи полнолуния.

– Тогда и вправду нельзя выдвигать обвинения в убийстве, – проговорил король Фарлейн. – По всей видимости, грабежа тоже не было. Осталось лишь обвинение в поджоге. Принц Донал, по какой причине вы подожгли дом этого человека?

– По какой причине, сир? – учтиво переспросил Донал. – Понимаете, я, само собой, полагал, что верховный жрец дома. Для меня большое огорчение видеть, что этот жалкий задавака до сих пор жив и твякает.

Я подумала, что верховный жрец сейчас запляшет от злости. Если бы Донал нравился мне чуточку больше, я бы ему похлопала.

– Сир, это вопиющее святотатство!.. – начал было жрец.

– Возражаю, – перебил его Донал. – В поругании святынь я неповинен. Боги не имеют никакого отношения к тому, что хорошо, а что плохо.

– Ах ты, богохульник! – захохотал жрец. – Как раз боги и определяют, что такое хорошо и что такое плохо! Позволь сказать тебе, принц, что твои нечестивые привычки навлекут беды на прекрасный остров Скарр, если только...

– А какое отношение мой нравственный облик имеет к политике? – рявкнул в ответ Донал. – Каждый имеет право делать, что хочет, и ни богов, ни королевства это не касается!

– Вот речь того, кто по своему произволу выдает зло за добро! – закричал жрец. – Я обвиняю тебя перед лицом верховного короля, твоего отца и всех этих свидетелей!

К этому времени король Кениг, не говоря уже о большинстве стоящих у столов, смущенно мялся и всем своим видом показывал, что хочет вмешаться. Но верховный король стоял на месте и только переводил взгляд усталых добрых глаз со жреца на Донала и обратно, пока жрец не воздел костлявые руки и, очевидно, не собрался призвать на замок проклятие.

– Довольно, – произнес король Фарлейн. – Принц Донал, вы оскорбляете этого человека. Жрец, какой ущерб нанес пожар вашему дому?

Жрец содрогнулся, замер и опустил руки.

– Не такой большой, как рассчитывал этот злобный юнец, – медленно проговорил он. – Дом из цельного камня, в том числе крыша. Но дверь и оконные рамы были деревянные и потому по большей части выгорели.

– А внутри? – строго уточнил верховный король.

– К счастью, был дождь, – ответил жрец, – а крыша треснула от жара, поэтому внутри все отсырело. Этот зверь и безбожник бросил внутрь головню, но она лишь опалила пол.

– Какое возмещение вы просите за ущерб? – продолжал верховный король.

– Шесть унций золота, – тут же ответил жрец. Все ахнули. – В том числе на починку протекающей крыши, – добавил он.

Король Фарлейн повернулся к Доналу:

– Выплатите ему требуемое, принц.

– Я возражаю, сир, – сказал Донал. – Он берет с нас достаточно золота на нужды храма. Более алчного человека...

– Выплатите ему требуемое, – повторил король, – и дело будет улажено раз и навсегда.

– Сир... – Донал учтиво склонил голову, стянул с руки один из множества браслетов и отдал соседу по столу. Браслет, сверкая, двинулся в сторону жреца, переходя из рук в руки, и тут Донал сказал с деланой тревогой: – Прошу тебя, жрец, вели его взвесить. А то в нем, верно, добрых семь унций.

– В этом нет нужды, – оборвал его верховный король. – Дело закрыто.

Жрец взял браслет, глядя на принца исподлобья, и стало ясно, что теперь можно наконец сесть и поесть. Но жрецу, похоже, угощение пришлось не по вкусу. Вид у него был до того кислый, что молоко сворачивалось.

– Гм, – сказала тетя Бек. – Гм. – Она взяла ржаную булочку из корзины, где они громоздились огромной кучей, и подтолкнула корзину дальше, ко мне. – Какой прелестный спектакль, правда?

– Ты про что? – прошептала я в ответ. – Донал со жрецом друг друга на дух не переносят, это всем известно.

– Так и есть, но, чтобы верховный король прибыл сюда, нужна была очевидная причина, – заметила тетюшка. – А еще наверняка есть причина тайная. Поскольку нас с тобой пригласили особо, скорее всего, мы скоро выясним, в чем дело.

– Точно? – спросила я.

– Я учитываю два обстоятельства. – Тетя Бек пустилась в рассуждения, а тем временем разломил булочку и потянулась за маслом. – Во-первых, твой братец Донал, при всем своем пристрастии к украшениям, редко надевает столько браслетов сразу. Ему же руку тяжело поднять. Во-вторых, не припомню, чтобы твой дядюшка король доверял Огго важные сообщения. И то и другое наверняка

было задумано нарочно, и за этим что-то стоит. Вот увидишь.

Чтоб меня приподняло и шлепнуло! Она не ошиблась! Едва закончился роскошный обед – никакой овсянки, к моей великой радости, – едва два короля поднялись и удалились в свои покои, как мимо нас небрежной походкой прошел Донал. Руки у него и правда висели по швам под тяжестью браслетов.

– Ивар, – шепнул он брату, – бери Бек и Айлин и идем со мной, хорошо?

Мы последовали за ним через возвышение и вереницей вышли за одну из дверей. Там Донал провел нас по извилистым коридорам частных покоев, где я никогда не бывала, и наконец мы поднялись по винтовой лестнице и очутились у другой двери, очень массивной.

– Я пустил слух, что Бек и Айлин отправились домой, – бросил Донал через плечо и постучал в дверь.

– Вот интересно зачем? – прошептала тетя Бек, явно не рассчитывая на ответ.

Думаю, она просто хотела показать, как ее раздражает, когда Донал так хладнокровно управляет ее передвижениями. В нашей семье принято приходить и уходить когда вздумается.

На стук дверь открыл какой-то придворный верховного короля, тоже в мантии; он отступил в сторону и без единого слова впустил нас. Эту комнату я тоже никогда раньше не видела – с большими окнами, через которые, если бы не туман, открывался бы красивый вид на юг, на море. А пока туман понемногу рассеивался, сквозь него сочились красные лучи заката, и от этого свет в комнате был очень странный, потому что еще в ней стоял высокий канделябр и много маленьких свечек.

Там сидел верховный король, по правую руку от него – король Кениг, а по левую – королева Мевенна. Позади стояли еще двое придворных, но я на них едва взглянула. Кроме них, в комнате были наш старенький магистр и верховный жрец Килканнона. Сердце у меня так и загрохотало: я поняла, что дела творятся нешуточные, раз Донал и верховный жрец очутились вместе в одной маленькой комнате.

Глава третья

Ивар изумился не меньше моего.

– Что происходит?! – воскликнул он, наспех поклонившись двум королям.

– Сядьте, пожалуйста, и мы все расскажем, – произнес верховный король.

Когда мы сели на низкие скамеечки с подушками, стоявшие перед королем Фарлейном, я увидела, что он нездоров. Поверх алой мантии он закутался в тартановый плед королевских цветов, и кто-то принес жаровню, чтобы согреть его. Но больше всего болезнь была заметна по лицу. Оно было белое с желтоватым отливом, а кожа туго обтягивала кости. Скучная плоть вся собралась в морщины от боли. Только усталые глаза не поддались болезни. Они смотрели на нас так мудро и пронзительно, что становилось даже страшно.

– Как вам известно, – сказал нам король – всем нам, хотя, по-моему, обращался он в основном к тете Бек, – десять лет назад логрийские волшебники наслали на острова Халдии чары, и теперь никто, как бы ни старался, не может попасть отсюда в Логру. – Он кивнул жрецу, который был полон такой мрачной решимости высказаться, что украдкой пододвигался к нам вместе со стулом.

– Мы пытались, мой добрый король! – выпалил жрец. – Мы обыскали весь Скарр в поисках средоточия чар. Отплывали в море, я и сам неоднократно выходил в море на корабле, и доходили до преграды, но там корабли поворачивают в стороны, будто их влечет течение, хотя глазами ничего не видно. Чтобы разрушать чары, мы применяли все мастерство, которое даровали нам боги. Но способа развеять их так и не нашли. – Он ссутулился, как будто мрачно ушел в себя. – Я потерпел неудачу, – сказал он. – Боги мною недовольны. Придется мне снова предаться посту и молитве.

– Вам не в чем себя упрекнуть, – сказал король Фарлейн.

Тут Донал, похоже, не сдержался и пробормотал:

– Ох, полно тебе! Пусть твои боги сами решают, как тебя наказать. Если уж они так разозлились, то наверняка заберут себе твой завтрашний обед.

На это наш старенький магистр бросил на Донала мягкий успокаивающий взгляд и вопросительно повернул голову к верховному королю. Король Фарлейн кивнул, и магистр, печально пошевелив белыми бровями, проговорил:

– Я тоже не без греха. Мне как ученому больно сознаваться, но я обыскал все библиотеки на Скарре и плавал за книгами даже в Бернику, однако не нашел ни единого намека на то, как устроены эти чары.

Ага, подумала я. Вот почему у меня иногда неожиданно-негаданно выдавались чудесные дни, когда я приходила в замок на уроки и обнаруживала, что остальные дети носятся по саду и кричат, мол, старый магистр опять пустился в странствия.

– С другой стороны, – продолжал магистр, – вероятно, подсказки вокруг нас и все дело, собственно, в географии наших островов.

Я вздохнула. Магистр обожал географию. Вечно заставлял нас рисовать карты и рассказывал, как устройство земли влияет на историю: вот эта бухточка – прекрасная стоянка для кораблей, поэтому по берегам разросся город, а вот эта одинокая гора прикрывает от ветров вот эту долину, и почва там стала до того плодородной, что за нее воюют. Вот и теперь он, конечно, не упустил случая всех просветить.

– Как вам известно, – сказал он, – три наши острова расположены полумесяцем: Скарр севернее всех, Берника немного к западу, а Галлис – на юге, даже на юго-востоке, в то время как Логра сильно выдается на юго-восток. Так вот, я учитываю, что три острова архипелага Халдии образуют символ стареющей луны, а он одновременно служит и символом изгнания. Можно безо всяких усилий воображения представить себе, что логрийцы считают Логру полной луной, которая несет перед собою щит изгнания. Как вам известно, логрийцы выступили войной против нас по одной простой причине: их боги сказали им, что они вправе захватить архипелаг Халдии...

Для половины присутствующих это был явный перебор. Позабыв о почтительности, с которой следует держаться в присутствии верховного короля, они принялись бурно возражать. Донал ехидно хмыкнул и этим и ограничился, зато верховный жрец тут же снова расправил плечи и зарычал:

– Логрийцы готовы жечь и убивать за свою нечестивую веру!

Тут тетя Бек, которая до сих пор тихонько сидела себе на скамеечке, грациозно сдвинув красные каблуки и сцепив на коленях худые чуткие пальцы – воплощенная скромность и изящество (вот бы мне так научиться!), – вдруг вскинула темноволосую головку и прямо-таки фыркнула:

– Боги тут ни при чем! Это все человеческая алчность.

А король Кениг одновременно с ней воскликнул:

– Боги?! Не смешите меня! На наших островах есть золото и серебро, олово и медь. А на Галлисе еще и жемчуг и самоцветы. А у Логры что? Одно железо. Зато из железа куют оружие, чтобы захватить все остальное.

Магистр выпятил нижнюю губу, как маленький, и обиженно ошетирил брови на всех нас.

– Когда речь идет о волшебстве, возможно даже невозможное!

– Да, безусловно, – тут же ответил верховный король. – Вероятно, нам следует спросить Бек Премудрую, что она скажет о чарах.

Он посмотрел на мою тетушку, а та изящно вскинула голову:

– К сожалению, сир, мне почти нечего сказать. Не забывайте, что я воспитываю ребенка сестры и не могу ни плавать на кораблях, ни рыскать по Скарру. Но я гадала и ответа не получила. Еще я подчинила себе невидимых духов и разослала по всему Скарру.

Я видела, как тетя Бек это делает. Она утверждала, что на островах кишмя кишат духи, но мне до сих пор в это не верилось, ведь я их не видела и не

слышала, что они рассказывают, когда возвращаются.

– Они не нашли ни следа чар, – продолжала тетя Бек, – и не сумели пробраться в Логру. Все они говорят, что в море между Логрой и Халдией словно стеклянная стена. Но они говорили мне еще кое-что, и это меня беспокоит. Как вы знаете, у этого мира четыре великих хранителя. – Она посмотрела на жреца, который поджал губы и неохотно кивнул. – Эти хранители отвечают за Север, Юг, Запад и Восток, и природа вещей такова, что каждый из них опекает один из четырех наших островов. Наш хранитель, хранитель Скарра, как вам известно, – Северный. Бернику охраняет Западный, Галлис – Южный. Логре полагается Восточный, однако чары отрезали хранителей друг от друга, причем настолько, что наши трое уже и не знают, жив ли до сих пор хранитель Востока.

– Это не важно! – оборвал ее король Кениг.

– А я уверена, что это вопрос первостепенной важности, – сказала тетя Бек.

– Ну ладно, может быть, может быть, – уступил король. – Но с точки зрения короля, главное – что, пока стоит волшебная преграда, логрийцы могут строить корабли и обучать солдат в мире и покое. Хуже того, они могут подсылать к нам лазутчиков, а мы к ним – нет. Вот зачем вся эта таинственность: мы боялись, что о нашей встрече узнают логрийские лазутчики.

– Так и есть, – согласился верховный король. – И разумеется, нельзя, чтобы нас уличили в строительстве кораблей и обучении солдат, поскольку у логрийцев очень ценный заложник – мой сын Аласдер. Вы ведь слышали об этом, верно? – спросил он у нас с Иваром.

Вероятно, он считал, что мы ничего не знаем, потому что еще маленькие, ведь, когда принца Аласдера взяли в заложники, мне было три, а Ивару восемь. Хотя у меня в голове не укладывается, как он мог подумать, будто мы не знаем. Даже тетя Бек и та, пусть и со скрипом, признает, что это самое поразительное достижение логрийских волшебников за всю историю. Тетя Бек говорит, продумать и рассчитать похищение принца было гораздо труднее, чем просто воздвигнуть преграду в море.

Примерно через год после того, как возникла преграда, принц Аласдер, которому тогда было, наверное, примерно столько же лет, сколько сейчас

Доналу, вернулся с охоты в сопровождении целой толпы придворных, и тут прямо посреди внутреннего двора замка Дромрей – это поместье верховного короля здесь, на Скарре, – открылся словно бы туннель, и оттуда так и хлынули солдаты. Они прострелили принцу Аласдеру ногу, а потом утащили с собой всех охотников до единого вместе с конями и прочим. А люди короля смотрели на это из окон и со стен замка и ничего не могли поделать. Они, конечно, прибежали вниз, во внутренний двор, но к тому времени туннель уже давно закрылся и все исчезли.

Я знаю об этом больше прочих, потому что среди охотников был мой отец. Я кивнула. Ивар тоже.

– Полагаю, с тех пор о принце Аласдере никто ничего не слышал, сир, – сказал Ивар.

Верховный король поднял голову и на миг задержал взгляд на тлеющих углях в жаровне.

– Тут у нас нет уверенности, – проговорил он. – Да, уверенности нет. До нас то и дело доходят слухи, слухи о слухах... Последние вести были до того определенные, что и нам, и всем нашим советникам очевидно, что, должно быть, в стене между Халдией и Логрой образовалась своего рода трещина.

– Что за вести, сир? – спросила тетя Бек.

– Что можно развеять чары и вызволить принца Аласдера, – ответил верховный король, – а как именно, мы узнаем, если скаррская мудрица отправится на Бернику и Галлис, а оттуда прибудет в Логру, взяв с собой по спутнику с каждого острова. Судя по всему, госпожа моя Бек, речь идет о вас.

– Да уж, – сухо отозвалась тетя Бек. – А откуда эти вести, сир?

– Из разных источников, – сказал король Фарлейн. – Самых разных: из рыбацкой дереvушки на востоке Скарра, от двоих из пяти королей и королев Берники, от двух жрецов и одного отшельника с Галлиса.

– Гм. – Тетя Бек расцепила руки на коленях и подперла одним кулаком подбородок. – Слова каждый раз одни и те же? – уточнила она.

– Почти в точности, – ответил верховный король.

Все помолчали; в это время я успела подумать, что же будет со мной, если тетя Бек уплывет в Логру и не вернется. Хорошего в этом было только одно: теперь никто не потребует, чтобы я еще раз спускалась Туда.

А потом, пока тетя Бек набирала побольше воздуха, наверняка готовая воскликнуть «Чушь!», верховный король, чей волшебный дар, как я уже догадалась, состоял в том, чтобы вовремя вставлять нужное слово, снова заговорил:

– Премудрая Бек, мы уже все продумали. Вы с ученицей отплывете тайно сегодня же вечером. За холмами, в заводи Иллай, мы приготовили для вас корабль, и у нашего капитана приказ отплыть к Бернике, пока мы с придворными отправимся обратно в Дромрей, сообщив всем, что забрали вас с собой. Это обманет любого лазутчика.

Мне редко доводилось видеть тетю Бек растерянной, а настолько растерянной – еще ни разу. Она вздернула подбородок, уронила руку и воскликнула:

– Прямо сейчас?!

Посмотрела сначала на больного короля, потом на здорового и крепкого – на Кенига, – а затем на верховного жреца, на нашего магистра и на Донала, который снова залюбовался своими браслетами. Посмотрела даже на королеву – та тоже играла с браслетом, как и Донал.

– Айлин еще мала, ее нельзя брать с собой, – проговорила тетя Бек. – Она даже не прошла посвящение.

– Она была на нашем совете и все слышала, – мягко сказал верховный король. – Если хотите, мы можем забрать ее в Дромрей, но там ей придется сидеть в заточении.

Я поймала себя на том, что так и кручу головой – с короля Фарлейна на тетю Бек и обратно. Вот так сидишь, думаешь, что при тебе говорят о какой-то далекой политике, и вдруг оказывается, что этот разговор переворачивает всю твою жизнь. Ужас! Я была как на иголках.

– Я не могу плыть сегодня, – сказала тетя Бек. – Мне надо собрать одежду в дорогу.

Тут впервые подала голос королева.

– Мы это предусмотрели, – улыбнулась она. – Одежда для вас и Айлин уже приготовлена и сложена.

Тетя Бек посмотрела на меня, потом на королеву, но ничем не показала, как собирается поступить со мной, а просто вежливо проронила:

– Спасибо, Мевенна. Но я все-таки не могу. У меня дома птица и скот – шесть кур, две свиньи и корова. Нельзя же бросить их на погибель.

– Это мы тоже предусмотрели, – весело ответил король Кениг. – Кур заберет моя птичница, а за всеми остальными присмотрит Йен-волынщик. Бек, поймите, наконец: дорогая моя, вам предстоит спасти все Халдии, подумаешь – внезапный отъезд!

– Вижу-вижу, – сказала тетя Бек. И снова без особой приязни оглядела разнообразные лица. – В таком случае я беру Айлин с собой.

Я так оторопела, что некоторое время слышала все как сквозь вату, а тетя Бек между тем добавила:

– Кто со мной? Кто будет моим спутником с острова Скарп?

– Им станет принц Ивар, разумеется, – ответил верховный король.

Я было пришла в восторг, но тут Ивар сипло заорал «Что-о-о?!» и все испортил.

– Вы, как и юная Айлин, слышали, что мы замышляем, – пояснил король Фарлейн.

– Нет! – воскликнул Ивар. – Стоит мне ступить на корабль, и меня тошнит направо и налево! Ты же знаешь! – напустился он на мать. И даже вскочил на ноги от волнения.

Ивар никогда не скрывает своих чувств. Это-то меня в нем и восхищает, хотя, должна признаться, в ту минуту я им совсем не восхищалась, наоборот. Когда он вскочил, то меч у него закачался и ножны больно-пребольно ударили меня по плечу.

– Ивар, меч тебе дан для того, чтобы защищать прекрасных дам, а не нападать на них, – сказал Донал. – Наконец-то тебе представится случай проявить свое рыцарство.

Донал не упускает случая подколоть брата. Он явно только был рад, что Ивар испугался. За это я, помимо всего прочего, и не люблю Донала. Но мне было ясно, что королю Кенигу противно глядеть на младшего сына, а верховный король, судя по тому, как тщательно он следил, чтобы на лице ничего не отражалось, как раз размышлял, не трус ли Ивар.

Я набралась храбрости и сказала, потирая плечо:

– Я уверена, мы можем полагаться на тебя, Ивар.

Ивар покосился на меня шальными от потрясения глазами.

– Надо было меня предупредить! – возмутился он. – Когда тебе ни с того ни с сего говорят, что ты отправляешься в далекое путешествие, это... это...

– Не прикидывайся дурачком, Ивар, – сказал король Кениг. – Верховный король объяснил нам, что логрийские лазутчики ходят к нам как к себе домой. В Логре были бы просто счастливы узнать, что принц Килканнонский отправляется спасти наследника верховного престола. Необходимо было держать все в строжайшем секрете.

Ивар поглядел на Донала, будто спрашивая, знал ли тот об этом строжайшем секрете, а потом снова повернулся к матери:

– Превосходно. Тогда, раз я все равно должен плыть и мне все равно будет плохо, мне потребуются лекарства и слуга в помощь.

– Снадобье для тебя уже готово и уложено, – спокойно ответила королева Мевенна.

Я заметила, что тетя Бек на это покривилась. Всевозможные снадобья – это было по ее части.

Но не успела она ничего сказать, как отец Ивара добавил:

– А слугой при тебе поедет Огго. Так что прекрати эту глупую сцену.

– Огго! – воскликнул Ивар. – Какой от него толк?!

– Тем не менее Огго – логриец и, весьма вероятно, лазутчик, – отозвался король Кениг. – Если ты сейчас без предупреждения заберешь его с собой, он не успеет нынче ночью никому ничего рассказать, а потом всегда будет у тебя на глазах.

– От Огго как лазутчика тоже никакого толку, точно так же! – завопил Ивар. – Я что, серьезно обязан...

– Да, – припечатал его отец. – Мы должны быть предельно осторожны.

Тут король Фарлейн поднялся – очень медленно и шатко, – и все остальные, конечно, тоже вынуждены были встать.

– Нам остается лишь пожелать вам удачи в пути, – проговорил он. – Отправляйтесь же, и пусть боги хранят вас. – Тут он прицельно посмотрел на тетю Бек. – И во имя любви этих богов верните мне сына, если сможете.

Тетя Бек сделала короткий скованный книксен и посмотрела на верховного короля не менее прицельно. Я тоже. Верховный король весь дрожал, на худом лице, вопреки его отчаянным усилиям, отражалась буря разных чувств. Мне показалось, что среди них есть и надежда – болезненная, дикая надежда снова увидеть принца Аласдера, надежда из тех, какие редко сбываются. Тетя Бек тоже ее увидела. И едва не отпустила, как обычно, меткое замечание по делу, но

сдержалась и сказала прямо-таки с теплотой в голосе:

– Я сделаю что смогу, сир.

Глава четвертая

И мы ушли. Один из придворных верховного короля, тоже в мантии, проводил нас до порога, а там вручил тете Бек кошелек.

– На дорожные расходы, – сказал он.

– Большое спасибо, – ответила тетя Бек. – Теперь я вижу, что ваш король настроен серьезно.

Все знали, что верховный король Фарлейн денег на ветер не бросает.

Тетя Бек повернулась к Ивару:

– Беги приведи Огго. Скажи ему, что вы с ним должны проводить верховного жреца в его святилище, а больше ничего не говори.

К моему великому огорчению, верховный жрец собирался проводить нас до холмов, где стоял его храм и прочие святыни. Донал пошел впереди и показал дорогу к дверце, которую раньше при мне никто и не открывал. На миг я испугалась, что Донал тоже с нами. Но он лишь удостоверился, что мы нашли четырех осликов, которые поджидали нас под стеной.

При виде осликов тетя Бек только языком прищелкнула:

– Вот так строжайший секрет. Кто их седлал?

– Я, – ответил Донал. В руке у него был фонарь, и при его свете зубы Донала так и сверкнули среди завитков бороды – очень самодовольно. – Чтобы на конюшне не было никаких разговоров.

– Я имела в виду даже не это, – возразила тетя Бек, – а сумки.

Один ослик был навьючен четырьмя кожаными сумками, лоснящимися, туго набитыми и, похоже, очень дорогими.

– Кто их собирал?

– Моя матушка, – отвечал Донал. – Собственными лилейными ручками.

– Да неужели? – сказала тетя Бек. – Премного благодарны за такую честь.

Поскольку более неблагодарного замечания невозможно было себе представить, наверное, очень удачно, что как раз в этот миг к нам подбежал Ивар, а с ним Огго, совершенно растерянный. Им предстояло идти пешком, как подобает свите. Жрец взгромоздился на одного из осликов и сидел с дурацким видом – длинные ноги у него чуть ли не волочились по земле. На второго села тетя Бек. Огго посадил меня на третьего. Я поглядела на него – и то, что я увидела (хотя при неверном свете фонаря и сиянии почти полной луны, которую то и дело застилала несущиеся облака, увидела я не много), натолкнуло меня на мысль, что Огго никакой не лазутчик: очень уж он был огорошенный, очень уж рвался помочь. Или такие лазутчики тоже бывают?

– Не надо придерживать Айлин, она с ослика не свалится, – сказал ему Ивар. – Лучше бери под уздцы вьючного осла и веди за нами.

Мы зацокали по камням, а Донал поднял фонарь и снова усмехнулся.

– Всего наилучшего, милые сестрицы, – сказал он нам с тетей Бек. – Приятного путешествия, Ивар.

Нет, он не издевался. Донал слишком обходительный для этого. Но когда мы цокали вниз по каменистому склону, мне пришло в голову, что такое прощание – все равно что проклятие вслед. А если не проклятие, то все равно

злопыхательство.

Туман рассеялся, однако мой бедный ослик успел совсем вымокнуть. Наверное, он прождал у этой двери несколько часов. Все ослики словно одеревенели и упрямылись больше обычного. Ивару и Огго пришлось взять по уздечке в каждую руку и выволочь осликов из оврага под стеной замка, а потом еще дальше, пока мы не вышли на тропу, которая зигзагом вела к вершинам. Там мой ослик поднял большую голову и выразил наболевшее мощным горестным «И-а!».

- Тише ты! - шепнула я ему. - Вдруг услышат?

- Не важно, - сказала тетя Бек. Она сидела поджав ноги, чтобы те не волочились по земле, как у жреца. По-моему, ей было ужасно неудобно и даже трудно дышать, и это ее, понятно, сердило. - Пусть услышат, какая разница, - пояснила она. - Все знают, что жрец как раз возвращается домой. - Жрец ехал по тропе впереди нее, и она окликнула его: - Не ожидала, Киннок, что ты согласишься участвовать в этом представлении. Зачем это тебе?

- У меня есть на то причины! - отозвался жрец. - Хотя я не рассчитывал, что при этом мне подожгут дом, - кисло добавил он.

- Что за причины? - не унималась тетя Бек.

- К богам и священству в наши дни относятся без должного почтения, - бросил жрец через плечо. - Моя цель - это побороть.

- То есть ты считаешь, что Аласдер более богобоязнен, чем его отец? - уточнила тетя Бек. - Если ты так думаешь, тебя ждет двойное разочарование.

- А как же благодарность? - возразил жрец. - Нельзя списывать ее со счетов.

- Ну или неблагодарность! - рявкнула тетя Бек.

Так они и препирались, и с каждой фразой тетя Бек все сильнее сердилась и пыхла, но я никак не могла взять в толк, о чем идет речь. Помню, как тетя Бек обвиняла жреца в попытках превратить Скарр в Галлис, но это значило, что они снова завели разговор про политику, и я перестала слушать. Мне вдруг стало до

невозможности страшно, что я больше не увижу Скarr, и я старалась разглядеть как можно больше при свете луны, которую то и дело застилала облака.

Горы были просто черным пятном наверху, хотя до меня доносился их тяжелый сырой запах, а море – тоже черным пятном, только с белыми искорками и по другую сторону. Но я помню, как с небывалой нежностью любовалась огромным серым валуном у дороги, когда по нему скользнул лунный свет, и как почти так же страстно глядела на серый, будто заиндевевший, вереск под валуном. Когда тропа свернула, я посмотрела через плечо и увидела за ссутуленной фигурой Огго, который тянул под уздцы вьючного ослика, на фоне моря, замок, весь зазубренный, темный и колючий. Ни единого огонька. Можно подумать, он заброшенный. Домика, где жили мы с тетей Бек, конечно, видно не было, он остался за следующим холмом, но я все равно туда посмотрела.

Тут меня вдруг осенило: если я больше никогда не увижу Скarr, мне не придется еще раз спускаться Туда. Какая радость! Какое облегчение! Вы себе не представляете! Но я сразу же поняла, что не верю своему счастью. Тетя Бек наверняка придумает что-нибудь, и мы с ней улизнем. Очень может быть, что к утру мы окажемся дома. Я знала, что тете Бек не хочется никуда плыть, до того не хочется, что она готова навлечь на себя немилость самого верховного короля. Тетя Бек – единственная и последняя мудрица на Халдиях, а такое положение, подумала я, позволяет послушаться короля Фарлейна. Неужели она посмеет? Неужели?..

Я лихорадочно размышляла об этом со смесью надежды и отчаяния при любом ответе на вопрос, но тут мы процокали по дороге между холмами на самую вершину Килканнона, где на гребне справа висели стелы святилища. Я их чувствовала, от них по коже то ли бежали мурашки, то ли выступала сыпь, а еще лунный свет почему-то становился темно-синим, по крайней мере, мне так казалось. Мне здесь очень неуютно, и я терпеть не могу сюда ходить. Никогда не понимала, зачем богам понадобилось такое неприятное волшебство.

Совсем скоро мы миновали святилище и вышли на равнину за ним. Там стоял темный домик жреца, от которого до сих пор тянуло паленым, а вокруг раскинулись пустые, серебряные от луны пастбища, откуда Донал разогнал весь скот. По другую сторону дороги стояло длинное строение вроде сарая, где жили послушники. В окошках горел яркий свет, а изнутри – вот ведь незадача! – доносился гвалт кутежа. Похоже, послушники считали, что жрец вернется только утром.

Жрец соскочил с ослика и зашагал ко входу. Гвалт мигом оборвался. Я посмотрела в дверь мимо узкого силуэта жреца, всем своим видом выражавшего лютое негодование, и увидела не меньше десятка юношей, застывших под его взглядом, будто статуи. Большинство виновато прятали за спиной кубки, но двое были уже так хороши, что не сочли нужным трудиться. Один допивал вино как ни в чем не бывало. Другой запел прерванную песню и даже приветственно поднял кубок в честь жреца.

- Вижу, пора изгонять демона пития, - сказал жрец. - Все вы должны проводить Премудрую Бек к морю и проследить, чтобы она благополучно села на корабль.

Тетя Бек издала негромкий раздраженный возглас. Я угадала. Она собиралась улизнуть.

- Что? Прямо сейчас? - спросил кто-то из послушников.

- Да, - сказал верховный жрец. - Прямо сейчас.

Он прошагал в сарай, взял со стола бочонок и преспокойно вылил его содержимое на пол. Через дверь до меня донесся запах виски, такого крепкого, что глаза заслезились.

- Свежий воздух прекрасно изгоняет демонов, - заметил жрец. - Ступайте. А вам, дамы, - он поглядел на нас, ожидавших снаружи, - счастливого пути.

Так что остаток пути нас сопровождала дюжина пьяных послушников. По эту сторону гор было довольно ветрено, и, что бы ни говорил жрец, послушникам от прогулки стало, по-моему, только хуже. Они шатались, спотыкались, пели и хохотали. Каждые десять шагов кто-нибудь обязательно заваливался в заросли дрока, а остальные покатывались со смеху. Некоторым приходилось отбегать с дороги протошниться.

- О боги, - твердил Ивар, - только этого мне не хватало!

А тетя Бек несколько раз спрашивала послушников:

– Может быть, вам все-таки лучше посидеть здесь и отдохнуть? Мы прекрасно доберемся сами.

– Не-не-не-не-не, с-сударыня, – отвечали они. – Низ-з-зя. У нас п... п... приказ. Доставить вас на кура... кара... корабель.

Тетя Бек только вздыхала. Очевидно, жрец дал слово верховному королю, что мы попадем на этот самый корабль.

– Чтоб ему пусто было! – сказала тетя Бек.

И вот мы в сопровождении улюлюкающей, прыгающей и хохочущей толпы наконец спустились туда, где скалы уступили место полосе песка и где при свете заходящей луны виднелся внушительный корабль, нетерпеливо покачивавшийся на волнах в гавани. От этого зрелища Ивар застонал. У берега мокро лоснились и плескались волны, и среди них нас поджидала шлюпка; заметив нас, моряки тут же повскакали с мест.

– Скорее, а то упустим прилив, – сказал один из них. – Мы уже думали, вы не успеете.

Я соскользнула с ослика и погладила его по боку. И еще погладила росший рядом кустик дрока. Он был в цвету, впрочем, дрок всегда цветет, и от прикосновения моих пальцев кругом разлился крепкий аромат. Запах цветущего дрока всегда напоминает мне о доме и о Скарре. Так что очень обидно, что в тот же миг самого молоденького послушника занесло в этот самый куст и там стошнило.

– Иди сюда, кроха. – Кто-то из моряков крепко схватил меня и поднял на руки. – Перенесу тебя через воду, – пояснил он, когда я разъяренно пискнула.

Пусть несет, решила я. К этому времени я уже одурела от усталости. Как будто, покидая земли Скарра, я оставляю и свою силу, – но, наверное, все-таки дело в том, что я не спала предыдущую ночь. Пока меня несли через полосу грохочущего прибоя, я чувствовала соль на губах и мельком видела, как рядом вброд идут Ивар и Огго, а еще – как на берегу тетя Бек выпрямилась во весь свой рост и задрала подбородок, когда какой-то моряк предложил и ее перенести. Я видела, как после этого тетя Бек посмотрела на волны, приподняла

ногу, посмотрела на каблук – и пожала плечами и кивнула. В шлюпку она прибыла, чинно сидя у моряка на руках, сдвинув каблучки и целомудренно обхватив силача за шею, будто бедняга был и не человек вовсе, а просто очередной осел.

Как мы приплыли на шлюпке и попали на большой темный корабль, я толком не помню. Наверное, я успела заснуть до того. Когда я проснулась, все заливал яркий серый утренний свет, а я лежала на животе на узкой скамье в каюте, обшитой деревом; было тепло, но пахло неприятно. Я тут же вскочила – ведь до Берники, как я прекрасно знала, было каких-то сорок миль морем.

– О небеса! – воскликнула я. – Я проспала все путешествие!

Оказалось, ничего подобного. Когда я выскочила в проход под палубой, где все качалось и скрипело, тетя Бек встретила меня известием, что ночью поднялся встречный ветер.

– Моряки сказали мне, – добавила она, – что от логрийской преграды, когда ветер дует с севера, нарушаются и воздушные, и морские течения. Так что нам плыть еще целый день, а то и больше. – И отправила меня обратно в каюту причесаться.

Завтракали мы в тесной вонючей каморке на корме, где в крошечное оконце бились волны, а стол ездил туда-сюда, будто качели. Как ни странно, на завтрак была не овсянка. Я бы не возражала против овсянки. Проголодалась как волк. И налегала на овсяные лепешки с медом так рьяно, словно мы были на суше и горшочек с медом не уезжал от меня по столу как раз тогда, когда был мне нужен.

Через некоторое время тетя Бек вытерла руки и передала салфетку мне.

– Десять лепешек, Айлин, – это очень много, – заметила она. – Месячного запаса продовольствия на нашем корабле не держат. Иди посмотри, что там с Иваром и Огго.

Я неохотно послушалась. Мне хотелось не только еще овсяных лепешек, но и выйти на палубу и посмотреть на море. Мальчишек я нашла в душевой каютке через проход. Ивар лежал на койке и стонал. Огго сидел рядом, встревоженный и преданный, и держал наготове на коленях большую миску.

– Уйди! – сказал Ивар. – Я умираю!

– Не знаю, что делать, – пожаловался мне Огго. – Он всю ночь так.

– Иди позови тетю Бек, – сказала я. – И поешь. Я подержу миску.

Огго мигом сунул мне миску. Я поставила ее на пол. Гадость.

– Не убирай ее! – взвыл Ивар, когда Огго выскочил за дверь. – Мне нужно! Прямо сейчас!

Вид у него и вправду был больной. Лицо стало все бледное и лоснилось, будто сало. Я сунула ему миску, но он застонал:

– Мне уже нечем тошниться! Я умру!

– Нет, не умрешь, – сказала я. – Это не героическая смерть. Где снадобье, которое дала тебе с собой мама?

– В сумке, на которой ты сидишь, – выдохнул Ивар. – Но этот дурак Огго не знает, какое именно!

– Ну я тоже, скорее всего, не знаю, а я не дура. – Я встала и открыла сумку. – А вот почему ты сам не знаешь?

На это Ивар только уткнулся лицом в комковатую тощую подушку и застонал. К счастью, в этот миг вошла тетя Бек.

– Глупости, – сказала она, оценив положение. – Так я и думала, что Огго преувеличивает. Айлин, пусти меня, дай заглянуть в сумку.

В сумке было довольно много разных пузырьков и флакончиков, тщательно завернутых в одежду. Тетя Бек достала все и поставила в ряд на дощатом полу.

- Гм, - сказала она. - Которое же?..

Она перебрала стеклянные бутылочки по одной и все рассмотрела на просвет. Покачала головой. Перебрала глиняные флакончики и каждый откупорила и понюхала. Ивар приподнялся на локте и испуганно наблюдал за ней. Тетя Бек снова покачала головой и принялась очень осторожно и сосредоточенно выливать все флакончики в миску.

- Эй! Что вы делаете?! - воскликнул Ивар.

- Не знаю, - ответила тетя Бек и начала выливать в миску и бутылочки тоже. - Не знаю, что тут задумала Мевенна, но боюсь, что готовить снадобья она умеет примерно как вышивать. Айлин, возьми эту миску, вынеси наверх и вылей все в море. Осторожно, не расплескай по пути. Чего доброго, корабль загорится. Потом возвращайся за бутылками. Их тоже нужно выбросить за борт.

- А мне что делать? - стонал Ивар, пока я выносила миску, стараясь ступать как можно мягче и держать ее как можно ровнее.

Тетя Бек рявкнула, чтобы он держал себя в руках и сию секунду снял эту грязную рубаху.

Вылить миску у меня получилось далеко не сразу. Не успела я пройти по коридору и двух шагов, как корабль внезапно и очень сильно качнуло. Как я ни старалась, жижа в миске всколыхнулась и чуть-чуть пролилась на деревянный пол. Всего одна капелька, но кругом разнеслась просто кошмарная вонь, и пол задымился. Тетя Бек не шутила, когда говорила про эти снадобья. Остаток пути я прошла по шажку - мне в жизни не приходилось так осторожно ходить. На палубу вел деревянный трап, и я ставила миску на каждую ступеньку и крепко держала ее, пока сама залезала следом. Но в конце концов я все-таки выбралась вместе с миской на палубу, где глаза заболели от неожиданно яркого света. Отовсюду свисали веревки и глядели моряки, на беспокойных волнах играли блики. Но я не сводила мрачного взгляда с мерзкой жижи в миске всю дорогу до борта, а там сначала присмотрелась, откуда дует ветер, и только потом начала выливать ее. Еще не хватало, чтобы этой гадостью плеснуло мне в лицо.

Наконец вывернув миску в бурые ревущие волны, я испытала большое облегчение.

Когда жижа попала в воду, море вскипело белым. Мне пришлось переждать, пока корабль пройдет мимо белого пятна, чтобы лечь на живот и выполоскать миску. От этого в воде расплылось белое пятно поменьше. Я отдернула руку – и, к сожалению, упустила миску, и она зачерпнула воды и тут же потонула. Ну и ладно, подумала я. Наверное, и к лучшему.

Когда я спустилась назад, доска там, где упала капля, уже не дымилась, но на этом месте осталось круглое обугленное пятно.

Я вернулась в каюту и увидела, что Ивар сидит в постели, голый по пояс и весь в мурашках, и глядит на тетю Бек. А тетя Бек, стоявшая на коленях возле койки, медленно водила перед ним шпилькой с рубином, которую вытащила из своей прически.

– Смотри на шпильку. Не своди глаз с моей шпильки, – повторяла она, но умолкла, чтобы вручить мне бутылочки и флакончики, увязанные в рубашку Ивара.

– За борт, – велела она. – Вместе с рубашкой.

– Эй! – возмутился Ивар. – Это же хорошая рубашка! – И отвел глаза от тети Бек, чтобы сердито зыркнуть на меня.

– Вот незадача, – сказала тетя Бек. – Придется начать сначала. Ивар, смотри внимательно на мою шпильку.

Узел я утопила очень быстро. На этот раз, когда я вернулась, Ивар смотрел на тетю Бек так, будто внезапно выжил из ума.

А тетя Бек говорила:

– Повторяй за мной. Я прирожденный мореход. Меня никогда не укачивает. Ну! Я прирожденный мореход...

Ивар покорно проговорил:

– Я прирожденный мореход. Меня никогда не укачивает.

– Я просто замечательный мореход! – подсказала тетя Бек. – И никакой шторм мне не страшен!

– Просто замечательный мореход, – повторил Ивар. – И никакой шторм мне не страшен.

– Хорошо. – Тетя Бек щелкнула пальцами перед глазами у Ивара, а потом отстранилась и пристально посмотрела на него.

Ивар заморгал, поерзал и оглядел маленькую полутемную каюту.

– А теперь как ты себя чувствуешь? – спросила тетя Бек, протягивая ему чистую рубашку.

Ивар посмотрел на нее так, словно не знал, что ответить. Но в следующий миг словно ожил.

– Ух ты! – воскликнул он. – Клянусь хранителями, есть хочу!

– Еще бы, – кивнула тетя Бек. – Беги-ка завтракать, а то Огго слопает все лепешки!

– Боги халдийские! – Ивар вскочил. – Пусть только попробует, я его убью!

Прижал рубашку к груди и помчался на корму, где мы ели. Тетя Бек поднялась на ноги и с довольным видом воткнула рубиновую шпильку обратно в прическу. Нет – не просто с довольным, а с гордым донельзя.

Я побежала было за Иваром: вдруг он и правда набросится на Огго, а Огго же совсем не умеет постоять за себя! Но тетя Бек меня непустила.

– Не время, – сказала она. – У нас полно работы. Хочу понять, что Мевенна уложила в наши сумки.

Я только вздохнула и потащилась за ней по проходу. Сумки были свалены в углу нашей каюты. Тетя Бек присела рядом и расстегнула верхнюю. Оттуда хлынул густой запах. Не то чтобы неприятный, что-то вроде ромашки и чуть-чуть затхлого меда, но не совсем. От него на меня накатило что-то вроде морской болезни. Тетя Бек невнятно ругнулась и поскорее застегнула сумку.

– На палубу их, – велела она мне. – Айлин, бери остальные две.

Я послушалась, но это оказалось непросто. Сумки были из отличной дорогой кожи и очень тяжелые. Я думала, тетя Бек собирается бросить их в море. Но она остановилась у навеса, под которым стояла вчерашняя шлюпка, там, где она была привязана к палубе, и свалила сумки туда.

– Клади свои тоже, – сказала она мне. – И поглядим, что там. Ну-ка, ну-ка...

Она вытащила из сумки роскошную льняную накидку и осторожно развернула. Во всех складках обнаружили какие-то коричневые ломкие стебельки.

– Гм, – сказала тетя Бек, взглядевшись и принюхавшись.

Лицо у нее прямо окаменело. На миг она так и застыла на палубе, стоя на коленях. Потом весело вскинула голову и сказала мне:

– Ну-ну. Мевенна, наверное, просто решила положить душистых трав от моли и, как обычно, все напутала. Давай я буду давать тебе платья по одному, а ты вытряхивай их над водой. Смотри держись по ветру. Постарайся, чтобы эти несчастные травки не попали ни на тебя, ни на корабль.

И она сунула накидку мне в руки.

Я вытряхивала травы битых полчаса. Тетя Бек передавала мне роскошные наряды по одному, не разворачивая, и все они были нашпигованы травами, что твой гусь перед жаркой. Шерстяные приходилось вытряхивать особенно долго, потому что стебельки намертво зацеплялись за ткань. Помню, примерно на

половине я спросила:

- Тетя Бек, а море они не отравят?

- Нет, конечно, - отвечала тетя Бек, извлекая из сумки панталоны. - Нет лучше средства против злого колдовства, чем соленая вода.

- Даже если оно получилось нечаянно? - спросила я.

- А что до этого... - начала она, но больше ничего не сказала, просто вручила мне кипу белья.

В итоге у нас получилась груда разрозненной одежды и четыре пустые сумки. Тетя Бек, придавив груду коленями, вытаскивала оттуда то сорочку, то рукавчик, нюхала и качала головой.

- Все равно пахнет, - заметила она. - Такие дорогие красивые наряды, мне прямо нож острый выбрасывать их в море. Сядь-ка на них, Айлин, чтобы ветром не унесло, а я погляжу, что можно сделать.

Она зашагала прочь и вскоре вернулась с мотком веревки и корзинкой прищепок. Понятия не имею, где она их раздобыла. После чего мы с ней долго и суетливо протягивали веревку над палубой и развешивали по всему кораблю хлопающие на ветру платья. Ивар и Огго вышли на палубу поглазеть. Моряки на нас очень разозлились: им приходилось постоянно пригибаться под веревкой, а это мешало работать, и они сердито втягивали ноздрями запах подтухшей ромашки.

В конце концов пришел капитан и окликнул тетю Бек из-под развевающегося пледа.

- Что это вы тут затеяли, сударыня? Тоже мне, подходящий денек для большой стирки!

- Делаю свое дело, Шеймас Хэмиш, только и всего, - отвечала тетя Бек, прицепляя прищепками пару бешено брыкавшихся панталон. - На этой одежде чары.

– Сам понимаю, – сказал капитан. – Воняет, как дьяволы портянки. Это вы подняли ветер, чтобы запах улетучился?

Тетя Бек надежно прицепила панталоны и развернулась к капитану, широко расставив красные каблучки и скрестив руки на груди:

– Шеймас Хэмиш! Я заклинаниями ветра в жизни не занималась! Какой смысл поднимать ветер на Скарре? Какой смысл поднимать ветер здесь?

Шеймас Хэмиш тоже скрестил руки на груди. Зрелище было величественное, потому что руки у него толстые и все в картинках.

– Значит, ветер поднялся из-за запаха!

Не знаю, в чем было дело, но ветер и правда усиливался. Когда я выглянула из-под одежды, то увидела, как вздымаются и рушатся желто-бурые волны и как летит с гребней пена. Более того, из тщательно заплетенных и уложенных кос тети Бек выбились и развевались на ветру длинные черные пряди.

– Чепуха! – отрезала она и отвернулась.

– А я вам говорю – нет! – прогремел капитан. – И небо от него стало все сизое. Сами поглядите, глупая вы женщина! – Он махнул мощной ручищей.

И верно, те клочки неба, которые мне было видно, стали какого-то странного туманно-лилового оттенка.

– Чепуха, глупый вы мужчина! – парировала тетя Бек. – Это из-за преграды.

Она взяла сумку и стала ее трясти и тереть, чтобы вывернуть наизнанку.

– Никогда не видел, чтобы небо было такого цвета! – объявил Шеймас Хэмиш. – И снимите с веревки хотя бы этот плед. Из-за него рулевому курсу не видно.

– Айлин, – приказала тетя Бек, – сними плед и перевесь в другое место.

Я сделала, как велели. Единственное другое место нашлось на веревке на самом носу. Я попросила Огго помочь: ветер до того разгулялся, что мне одной было не удержать плед. Мы повесили его так, что он развевался на носу, будто чей-то непонятный флаг, а когда вернулись, обнаружили, что тетя Бек вывернула все сумки наизнанку и привязывает их к шлюпке проветриться. Над ней грозно высился корабельный кок.

– Если вы не брали мою миску, тогда кто? – интересовался он.

Мы с Огго обменялись виноватыми взглядами. Ведь это Огго принес миску Ивару, а я утопила ее в море.

Тетя Бек пожала плечами:

– Я тут ни при чем, любезный. Принцу Конройсскому ночью было нехорошо. Готовить в этой миске все равно больше нельзя.

Кок повернулся и свирепо поглядел на Ивара, который стоял у мачты, бодрый и румяный, и волосы у него трепал ветер. Он поглядел на кока в ответ самым что ни на есть царственным взглядом и надменно проронил:

– Приношу свои извинения.

– Ну что ж, придется месить тесто как-нибудь по-другому, – пробурчал кок. И ушел, бормоча: – Ведьма на корабле – к несчастью. Проклятие Края Одиноких на всех вас!

Тетя Бек его, похоже, не слышала – вот и хорошо. Когда ее называют ведьмой, она прямо звереет. Она просто встала и ушла в каюту поправить прическу.

– А что это за проклятие Края Одиноких? – испуганно спросил Огго, стоявший рядом со мной среди хлопающей на ветру одежды.

Ветер усиливался, и одежда хлопала все громче и громче. Корабль бросало вверх-вниз, волны с шипением обдавали палубу.

Я никогда не слышала о таком проклятии, а Ивар ответил:

– Это же очевидно. Это значит, что ты исчезнешь, как Край Одиноких.

Не успел он договорить, как откуда-то снизу донесся скрежет, корабль трянуло, где-то впереди затрещало. Корабль накренился и вроде бы остановился. Сквозь грохот нескольких огромных волн, окативших палубу, я расслышала, как Шеймас Хэмиш страшно ругается, а рулевой орет на него в ответ.

– Ползучий ты слепой ослиный хвост! Посмотри, что ты наделал!

– Да как человеку рулить, когда ему бабье белье в лицо лезет? Мне же ни шиша не видно, одно ее исподнее на ветру полощется!

– А нечего было говорить про проклятие! – закричала я на Ивара. – Мы, кажется, на преграду налетели!

– Это не мое проклятие, а кока! – завопил в ответ Ивар.

Он вцепился в мачту. Мы с Огго ухватились за шлюпку. Вода уже бурлила и плескалась нам по щиколотку.

Глава пятая

Нет, преграда оказалась ни при чем. Когда тетя Бек выскочила обратно на палубу, подкалывая косу на ходу, то заметила:

– А, я так и думала по цвету воды. Мы напоролась на остатки потонувшего острова.

Как часто напоминал нам магистр, в море между Логрой и Скарром тянется цепочка рифов и скал – все, что осталось от Края Одиноких, когда случилось землетрясение и он раскололся и потонул. Магистр видел их своими глазами –

плавал туда в молодости, – и, по его словам, очень многое говорит за то, что Край Одиноких когда-то был обитаем. Магистр находил в скалах глиняные черепки и обломки искусной резьбы. А моряки рассказывали ему, что на рифах побольше остались даже руины домов. Огго всегда слушал его разинув рот.

– Магистр нам говорил! – взволнованно сообщил он тете Бек. – Он там нашел резной гребешок и красивую вазу, почти целую! Как вы думаете, нам можно будет пойти посмотреть?

– Да замолчи ты! Кому охота? – сказал Ивар.

– Но мне всегда было интересно... – снова начал Огго.

К этому времени Шеймас Хэмиш уже кричал, чтобы мы все перебрались на скалы: тогда корабль станет легче и можно будет снять его с мели и посмотреть, велика ли пробоина. А пока бедный корабль скрежетал по мели взад-вперед, взад-вперед, и это, наверное, было очень опасно, а моряки сновали под бельевой веревкой с ящиками и тюками груза и осторожно перетаскивали их за борт. Кое-кто из них остановился и помог нам перелезть. Огго так рвался на скалы, что спрыгнул сам, болтая руками и ногами.

– А море вокруг потонувшего острова всегда бурое из-за почвы, – донеслись до меня его слова, когда кок передавал меня вниз в чьи-то огромные татуированные лапы.

Ивар, конечно, не допустил, чтобы Огго его перегеройствовал. Он тоже прыгнул сам, рухнул с грохотом, подвернул ногу и потом ныл по этому поводу битый час. А тетя Бек спустилась на скалы так же, как поднялась на борт, – безмятежно восседая на руках очередного моряка.

– Никакой пробоины не будет, – сообщила она мне, когда ее проносили мимо. – Я плыву на этом корабле, неужели эти неверы не понимают, что я же его и оберегаю?

Моряк сгрузил ее на ровное место за скалами так резко, словно хотел сказать: «Я лучше промолчу». Я не спеша подошла к ней и обнаружила, что мы натолкнулись не на риф, а на довольно большой остров, песчаный, каменистый и пустынный, раскинувшийся под странным туманным лиловым небом. Впереди

маячил крутой холм высотой примерно с Огго, а дальше и выше виднелись деревья.

– Можно нам сходить туда посмотреть? – взмолился Огго. – Сколько у нас времени?

– Сейчас узнаю, – сказала тетя Бек.

Тетя Бек окликнула капитана, а я обернулась на беднягу-корабль. Корабль и правда лежал на боку между двумя острыми рифами и ужасно скрежетал, весь увешанный цветными тряпками. Очень унижительно. Шеймас Хэмиш торопливо ставил паруса, но все же крикнул в ответ, что примерно час. И отправил с нами кока и еще одного матроса.

– Я не пойду, – заявил Ивар. – Нога очень болит.

Мы оставили его сидеть на валуне, у подножия которого кипела желтая морская пена, а сами двинулись к холму. Мне было интересно не меньше, чем Огго. Магистр говорил, что землетрясение произошло больше тысячи лет назад, а мне, по-моему, еще не доводилось видеть таких древностей. Тетя Бек, как всегда, держалась скромно и отстраненно, но, когда она забиралась на песчаный склон, мне показалось, что ей не терпится туда попасть не меньше, чем всем нам. Подъем был совсем легкий, обычно мне бывает труднее забраться в горку, хотя, честно говоря, мое нарядное платье несколько пострадало, пока я карабкалась.

На полдороге вверх Огго воскликнул: «Ой, что это?» – и подобрал с земли что-то вроде большой битой крышки от кастрюли. Она была как будто из очень старой черной кожи. Мы столпились на осыпающейся песчаной кромке и уставились на находку. На ней до сих пор проступали тисненные узоры.

Едва тетя Бек подняла крышку к свету, чтобы рассмотреть узоры, как нас, прихрамывая, догнал Ивар.

– Огго, – сказал он. – Предполагается, что ты мой слуга. Предполагается, что ты состоишь при мне. Ты знаешь, что я растянул щиколотку. И почему ты ушел собирать какие-то дрянные старые щиты?

– Думаю, это и правда был щит, – заметила тетя Бек, поворачивая находку так и эдак. Пальцы у нее очень красивые, длинные, чуткие. Я всегда восхищаюсь, как она обращается с вещами. – Эти узоры... – начала она.

– Выбросьте, – велел Ивар.

– Нет, не надо, – сказал кок. – Продам его на Бернике. Там любят все старинное.

– Эти узоры, – громко проговорила тетя Бек, – знаки хранителя Севера. Огго, положи щит туда, где взял. Нам в такие дела соваться не следует.

Скорее всего, так и было. Я видела похожие знаки, ими была расшита мантия верховного короля Фарлейна. Все пристыженно притихли и смотрели, как Огго осторожно кладет сломанный щит на прежнее место у тропинки.

– А я бы за него сотню серебром выручил, – посетовал кок, когда все мы двинулись вверх по склону.

После этого кок помрачнел и больше ничего не говорил, пока мы не очутились на вершине холма, в рощице. А там как будто земля ожила и разбежалась у нас из-под ног. Мелкие зверюшки – мыши, крысы, полевки – так и прыснули во все стороны. Я успела разглядеть кроликов, белок, хорька и даже кого-то похожего на маленького оленя, он удрал от нас в чащу. Наверху, в кронах деревьев, порхали птицы – и мелкие, и большие. Деревья были сплошь невысокие. От морского ветра они были все кривые и скрюченные, но я видела, что на Скарре такие породы встречаются очень редко – например, бузина и лещина, – и на них только-только набухали почки. Тетя Бек поднесла изящную руку к старым пыльным сережкам на ветвях, а потом к светло-зеленым гроздьям бутончиков бузины.

– Эх, надо было арбалет прихватить! – воскликнул моряк. – Жирненькие голуби. А олень!

– Отличные кролики, – согласился кок.

А Ивар сказал:

– Пойдемте назад. Здесь ничего интересного. У меня нога болит.

– Идем вперед, – распорядилась тетя Бек. – Хочу посмотреть, далеко ли тянется остров.

– А я хочу понять, откуда здесь взялось столько зверей, – сказала я.

– Зачем для этого куда-то ходить? Так ничего не узнаешь, – возразил Ивар. – У меня нога...

– Звери, несомненно, потомки тех, кто сбежал сюда при землетрясении, – сказала тетя Бек. – Ага, вот уже кое-что.

Деревья расступились, за ними показались большие валуны и трепетавшая на ветру трава. Я увидела колокольчики. Мы обошли самый большой валун и снова увидели море – оно сердито билось внизу о груды острых камней. Вдали виднелась и преграда – будто полоса белого тумана, тянувшаяся в обе стороны, докуда хватал глаз. Правда, никто на нее и не смотрел, потому что мы все уставились на развалины домов, обнаружившиеся прямо перед нами. Стены не доходили мне до макушки и были сложены из обтесанного золотисто-песочного камня. На них красовались искусно высеченные узоры.

– Как здорово! – вырвалось у меня. Мы явно обогнали нашего магистра. Он-то только слышал про здания, а мы прямо видим!

Огго первым бросился внутрь дома, туда, где обвалилась стена. Мы с тетей Бек поспешили за ним с неменьшим интересом, а моряки затопали следом, озираясь со смесью любопытства и надежды: вдруг там найдется что-нибудь, что потом можно будет продать на Бернике? Ивар хромал последним и ныл про ногу.

Это было как лабиринт. Мы бродили туда-сюда и попадали то в квадратные, то в прямоугольные места и не всегда понимали, комнаты это или внутренние дворы. В одном таком месте мы увидели в стене очаг – да, точно очаг. Стена вокруг него была отделана красивыми сине-зелеными плитками, а там, где кончались плитки, шла резная кайма. На остатках трубы сохранились даже следы копоти. На плитках красовались такие же знаки, какие мы видели на сломанном щите.

– Значит, это была комната! – произнес Огго.

Кок украдкой попытался отковырять плитку от стены. Тетя Бек обернулась и посмотрела на него, и он тут же отдернул руку. Двинулся за нами, бормоча что-то про треклятых ведьм, а Ивар поплелся за ним, бормоча что-то про ногу.

Мы проходили квадраты с загадочными ямами, и квадрат, у которого посередине был круглый пруд, и другой квадрат, где в центре высился правильный круглый холмик. Огго всю дорогу донимал тетю Бек вопросами – хотел понять, что здесь было раньше. К моему разочарованию, тетя Бек знала об этом не больше любого из нас. А Ивар не переставая ныл.

Я на него всерьез разозлилась.

– Слушай, Ивар, замолчи, а? – сказала я. – Скулишь, как простолюдин!

– Но у меня же нога болит! – ответил он.

– Терпи! Ты принц, веди себя соответственно! – сказала я.

– Но я... – начал было он. А потом булькнул и закрыл рот.

Ныть он прекратил, но хромал пуще прежнего и каждый раз, когда я на него смотрела, свирепо косился на меня исподлобья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/diana-dzhons/hraniteli-volshebstva>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)